

אח

הל

תרגומי השירה הלירית לעברית ולרוסית מאת אדולף גומן
Лирическая поэзия в переводе на иврит и на русский Адольфа Гомана

Йегуда Амихай

יהודה עמיחי

Песни Земли Сиона и Иерусалима
שירי ארץ ציון וירושלים

примечания переводчика

הערות של מתורגמן

adolf.goman@gmail.com

Иегуда АМИХАЙ

(1924-2000)

Песни Земли Сиона и Иерусалима

שירי ארץ ציון וירושלים (1-39)

«Песни Земли Сиона и Иерусалима» написаны поэтом по следам Шестидневной войны 1967г. и отражают его мироощущение в период всеобщей эйфории. Они входят в книгу «За всем этим кроется большое счастье».

Иерусалим занимает особое место в поэзии Амихая. Известный израильский поэт и современник Иегуды Амихая – Натан Зах считает, что в стихах поэта не меньше любви к Иерусалиму, чем даже в произведениях великого Иегуды бен-Галеви.

Первые 15 частей цикла посвящены теме войны и связанных с ней страданий. Иерусалим здесь не называется явно, но всё время подразумевается. Развиваясь, тема дополняется историческими и философскими аспектами.

Затем центральной становится тема Иерусалима, а война как бы присутствует на заднем плане картины. И вновь, по мере развития темы, в неё вплетаются, помимо личных и конкретных, также исторические и философские мотивы.

В произведениях Амихая важным художественным и содержательным компонентом являются прямые и завуалированные (часто переиначенные) ссылки на древние еврейские религиозные и литературные тексты.

В ивритской литературе прямое и косвенное использование цитат из древних источников – частый приём, делающий текст более художественным и многоплановым, благодаря подразумеваемым ассоциациям, которых тем больше, чем лучше знаком читатель с этими источниками. Для тех же, кто, не зная древних текстов, не может оценить намёков автора, при переводе приходится ограничиваться прямым смыслом текста.

(1)

[א]

Наш младенец был отлучён от груди в первые дни
Войны. И я сразу помчался наблюдать
За страшной пустыней.

התינוק שלנו נגמל בימים הראשונים
של המלחמה. ואני רצתי להשקיף
על המדבר הנורא.

Ночью вернулся снова посмотреть на него
Спящего. Он стал забывать соски матери
И продолжит забывать до следующей войны.

בלילה חרצתי עוד פעם לראות אותו
ישן. הוא מתחיל לשכח את פטמות אמו
וימשיך לשכח עד המלחמה הבאה.

Так, пока он мал, иссякнут надежды его
И потекут жалобы, чтобы уже не прекращаться.¹

וכך, בעודו קטן, נסתתמו תקוותיו
ונפתחו טענותיו שלא יסגרו שוב.

(2)

[ב]

¹ В тексте у Амихая: «иссякнут надежды его и потекут жалобы...» - «перевёрнутая» цитата из средневекового трактата о Синедрионе – верховном суде в древнем Израиле: закупорились (прекратились) жалобы (претензии) его» .

Война началась на пустом пространстве
Между цитрусами и виноградом.

Небеса сини, как вены на бёдрах измученной женщины.
Пустыня – зеркало для смотрящих в неё.

Помятые мужчины несут память о семьях своих
В горбах ранцев, на ремнях , в портупеях,
В вещмешках душ и в тяжёлых пузырях глаз.

Кровь застыла в жилах его и потому не вытекла,
А раздробилась на сотни осколков.

(3)

Октябрьское солнце согревает нам лица.
Солдат наполняет мешки рыхлым песком,
Которым когда-то играл.

Октябрьское солнце согревает погибших,
Печаль сходна с тяжёлой деревянной доской,
Где слёзы, как гвозди.

(4)

Мне нечего сказать о войне.
Нечего добавить, хоть я и стыжусь.

Знания те, что впитал я за годы жизни своей, -
Я готов их отдать, как пустыня отдала воду.
Я стал забывать имена, о которых и не помышлял,
Что могу их забыть.

И из-за войны я готов повторить вновь
Ради сладости этой последней простой:

המלחמה פָּרְצָה בְּסֵתוֹ, בְּגִבּוּל הָרִיק
בֵּין הָעֵנָבִים וּבֵין פְּרוֹת הָדָר.

הַשָּׁמַיִם כְּחֵלִים כּוֹרִידִים בִּירְכֵי אִשָּׁה מִיִּסְרֵת.
הַמִּדְבָּר, מֵרָאָה לְמַסְתָּפִלִים בּוֹ.

זָכָרִים עֲצוּבִים נוֹשְׂאִים זָכָר מִשְׁפּוֹחֹתֵיהֶם,
בְּגִבֵּנֵת תִּרְמִיל, בְּמִנְשָׂא, בְּחִגּוֹר,
בְּשִׁקְי נֶפֶשׁ וּבְשִׁלְפוּחִיּוֹת כְּבָדוֹת שֶׁל עֵינָיִם.

הַדָּם קָפָא בְּעוֹרְקָיו. לֵכֵן לֹא יוּכַל לְהִשְׁפָּךְ,
אֶלָּא רַק לְהִשָּׁבֵר לְרִסְיָסִים.

[ג]

שָׁמֶשׁ אוֹקְטוֹבֵר מְחַמֶּמֶת אֶת פָּנָיו.
חֵיל מְמִלָּא שָׁקִים בְּחוּל רֶךְ
שִׁפְעָם שֹׁחֵק בּוֹ.

שָׁמֶשׁ אוֹקְטוֹבֵר מְחַמֶּמֶת אֶת מַתִּינוֹ,
הָעֶצֶב הוּא לוֹחַ עֵץ כְּבֵד,
הַהִדְמָעוֹת, מְסַמְרִים.

[ד]

אֵין לִי מָה לֹאמֵר עַל הַמִּלְחָמָה
אֵין לִי מָה לְהוֹסִיף, אֲנִי מִתְבַּיֵּשׁ.

הַיִּדְיוֹעוֹת שֶׁסָּפַגְתִּי אוֹתָן בְּחַיִּי, אֲנִי
מוֹתֵר עָלֵיהֶן, כְּמוֹ מִדְבָּר שׁוֹתֵר עַל מַיִם.
אֲנִי שׁוֹכֵחַ שְׁמוֹת שְׁמַעוֹלָם לֹא חֲשַׁבְתִּי
שֶׁאֶשְׁכַּח אוֹתָם.

וּבְגִלַּל הַמִּלְחָמָה אֲנִי אוֹמֵר שׁוּב
לְמַעַן מְתִיקוֹת אַחֲרוֹנָה וּפְשׁוּטָה :

Солнце вращается вокруг Земли, да.
Земля плоская, как доска, да.
Есть Бог в небесах, да.

הַשֶּׁמֶשׁ סוֹבֶבֶת סְבִיב הָאָרֶץ, כֵּן,
הָאָרֶץ שְׁטוּחָה כְּלוּחַ אֲבֹד וְצֵץ, כֵּן,
יֵשׁ אֱלֹהִים בַּשָּׁמַיִם, כֵּן.

(5)

[ה]

Я закрыл сам себя, я похож
На шар тяжёлый яйца. Я впадаю в спячку войны,
Как в зимнюю спячку.

סָגַרְתִּי אֶת עַצְמִי, אֲנִי כְמוֹ
בָּצָה כְּבֹדָה וְאַטוּמָה, אֲנִי יֵשֵׁן מִלְחָמָה
כְּמוֹ שְׁנַת חֶרֶף.

Я назначен командиром убитых
На Масличной горе.

עָשׂוֹ אוֹתִי לְמַפְקֵד שֶׁל מֵתִים
בְּהַר הַזֵּיתִים.

Я проигрываю всегда,
Даже если я победил.

אֲנִי תָמִיד מִפְסִיד,
גַּם בִּנְצָחוֹן.

(6)

[ו]

«Где он ранен?» Нельзя понять,
Идёт ли речь о части тела
Или о месте боя.

"אֵיפֹה הוּא נִפְצָע ?" אֵינָךְ
יֹדֵעַ אִם הַכּוֹנֶה לְמָקוֹם בְּגוֹפּוֹ
אוֹ לְמָקוֹם בְּאָרֶץ.

Иногда пуля проходит сквозь
Тело человека и ранит заодно
И землю страны.

כְּדוּר עוֹבֵר לְפָעָמִים דֶּרֶךְ
גּוֹף הָאִישׁ וּפּוֹצֵעַ גַּם אֶת
אֲדָמַת הָאָרֶץ אִתּוֹ.

(7)

[ז]

Кровь, поднимающая член,
Это не сперма.
И пролитая кровь, безусловно,
Это не сперма.

הַדָּם הַמַּזְקִיף אֶת הָאֵיבָר
אֵינָנו זָרַע.
וְהַדָּם הַשֹּׁפוּךְ וְדֹאֵי
שְׁאִינָנו זָרַע.

И сперма, что тонет в крови, - не сперма.
И кровь без спермы – ничто,

וְהַזָּרַע הַטּוֹבֵעַ בַּדָּם אֵינָנו זָרַע.
וְהַדָּם בְּלִי זָרַע הוּא אֵין

И сперма без крови – пустое.

וְהִזְרַע בְּלִי דָם הוּא אָפֶס.

(8)

[ח]

Что завещал нам этот обгорелый мертвец?
То же, что завещает вода, :
Не шуметь, не мутить,
Быть очень тихими рядом с ней,
Дать ей течь.

מָה צִוָּה אוֹתָנוּ הָאִישׁ הַמֵּת, הַשְּׂרוּף ?
אֵת מָה שְּׁמָצוּיִם אוֹתָנוּ הַמַּיִם :
לֹא לְרַעַשׁ, לֹא לְלַכְלֵךְ,
לִהְיוֹת שְׁקֵטִים מְאֹד לַיָּדָם
לִתֵּת לָזָרִם.

(9)

[ט]

Потому, что нет мира в сердце моём, -
Есть война вовне.
Я не смог удержать её внутри себя.

מִשּׁוּם שֶׁאֵין שְׁלוֹם בְּלִבִּי
יֵשׁ מִלְחָמָה בַּחוּץ.
לֹא יָכַלְתִּי לְהַחֲזִיק אוֹתָהּ בְּתוֹכִי.

Мой маленький сын сказал: «На войне
Пропадают машины. И те,
У которых есть души, - люди».

וּבְנִי הַקָּטָן אָמַר : בְּמִלְחָמָה
אוֹבְדוֹת מְכוֹנוֹת
וּמְכוֹנוֹת נַפְשׁוֹת, שֶׁהֵן בְּנֵי אָדָם.

(10)

[י]

Я иногда размышляю о предках своих –
Со времени разрушения Храма,
Через мучения Средневековья, до наших дней.
Но помню я только своего деда.
Не было у него дополнительных рук,
Специальной розетки, второго пупка
Или других средств, чтобы получать и передавать мне.
Богобоязненный сельский еврей,
Старик, слабый глазами,
С длинной трубкой во рту. Первое, что я помню, это
Как бабушка дрожащими руками
Опрокинула мне на ноги горшок кипятка.

אֲנִי חוֹשֵׁב לְפַעְמִים עַל אֲבוֹתִי
וְאֲבוֹת אֲבוֹתִי מִזְמַן חֲרָבָן בֵּית הַמִּקְדָּשׁ
דֶּרֶךְ עֲנוּיִי יְמֵי הַבִּינִים עַד אֵלַי.
אֲנִי זוֹכֵר רַק עַד סִבִּי,
לֹא הָיוּ בּוֹ יָדַיִם נוספות
אוֹ תַקְעָה מִיָּחָד, אוֹ טַבּוֹר נוסף
אוֹ כָּל מְכַשִּׁירִים לְקַבֵּל וְלִמְסֹר לִי.
יְהוּדִי כִפָּרִי הָיָה יֵרָא אֱלֹהִים
וְכַבֵּד עֵינָיו, זָקֵן עִם
מְקַטְרֵת אֲרָכָה. הַזְכָּרוֹן הָרִאשׁוֹן
שֶׁלִּי הָיָה כְּשֶׁסִּבְתָּא, בְּיָדַיִם רוֹעְדוֹת
הַפִּילָה כָּלִי מִיָּם רוֹתְחִים עַל רַגְלִי

Мне было тогда два года.

כְּשֶׁהָיִיתִי בֶּן שְׁנָתַיִם.

(11)

[יא]

Город, где я родился, разрушили пушки.
Корабль, что доставил меня сюда, потоплен во время войны.
Гумно в Хамадии, где я был влюблён, сожжено.
Киоск в Эйн-геди был взорван врагами,
А мост в Исмаилии, который я пересёк
В обе стороны в вечер моей любви,
Разорван в клочья.

הָעִיר שֶׁבָּהּ נולדתי נִהְרָסָה בְּתוֹתָחִים.
הָאֲנִיָּה שֶׁבָּהּ עָלִיתִי, טֹבְעָה אַחֵר כֶּה, בַּמִּלְחָמָה.
הַגִּמְנוֹן בַּחֲמַדִּיָּה שֶׁבָּהּ אֶהְבֵּתִי, נִשְׂרָף.
הַקִּיּוֹסֵק בְּעֵין גִּדִּי פֶּצֶץ בִּידֵי אוֹיְבִים.
אֶת הַגָּשֶׁר בְּאִיסְמַעִילִיָּה שֶׁעָבַרְתִּי
בּוֹ הַלֹּךְ וְשׁוֹב בְּעֶרְבֹת אֶהְבּוֹתִי
קָרְעוּ לְקַרְעִים.

Позади меня жизнь стирается с карты по точному плану.
Сколько ещё устоят воспоминанья?
Убита девочка из моего детства и умер отец.

חַיֵּי נִמְחָקִים אַחֲרֵי לְפִי מִפֶּה מְדִיקָת.
כַּמָּה זְמַן יִחְזִיקוּ הַזְכָּרוֹנוֹת מֵעַמֵּד ?
אֶת הַיְלָדָה מִיְלֻדוֹתֵי הָרֶגוּ וְאָבִי מֵת.

Потому не выбирайте меня ни любимым, ни сыном,
Ни тем, кто пойдёт через мост, ни жильцом и ни гражданином.

לֵכֵן אַל תִּבְחָרוּ בִּי לְאוֹהֵב אוֹ לְבֵן,
לְעוֹבֵר גָּשְׁרִים וְלַדִּיר וְלֶאֱזָרָח.

(12)

[יב]

На последних словах Трумпельдора²
«Хорошо умереть за отчизну» мы строили родину
Новую роями обезумевших шершней.
Говорил ли он их, те ли были слова,
Может, были, но испарились,
Но остался на месте их свод, как пещера. Цемент
Стал теперь твёрже камня. И это – отчизна моя,
Где я могу грезить, не боясь упасть,
Совершать дурные поступки, не пропадая,

עַל הַמַּלִּים הָאַחֲרוֹנוֹת שֶׁל טְרוּמְפֶּלְדוֹר
טוֹב לָמוּת בְּעַד אֶרְצֵנוּ, בָּנוּ אֶת הַמּוֹלָדָת
הַחֲדָשָׁה, כְּמוֹ דְּבוּרֵי בָר בְּפִקְעוֹת מְטֻרְפוֹת.
וְאֶפִּילוֹ אִם אֵלֶּה לֹא הָיוּ הַמַּלִּים
אוֹ שֶׁלֹּא אָמַר אוֹתָן אוֹ שֶׁהָיוּ וְהִתְנַדְּפוּ,
מִקּוֹמָן נִשְׁאָר מְקַמָּר כְּמַעֲרָה. הַמָּלֵט
הַתִּקְשָׁה יוֹתֵר מֵאַבְנִים. זֹהִי מוֹלַדְתִּי
שֶׁבָּהּ אֲנִי יָכוֹל לְחַלֵּם בְּלִי לִפְל
וְלַעֲשׂוֹת מַעֲשִׂים רָעִים בְּלִי לְאַבֵּד,

² Трумпельдор Йосеф (1880,Пятигорск - 1920,Тель-Хай) –профессиональный военный, тяжело раненный в Порт-Артуре, отмеченный высокими российскими наградами за храбрость. С детства воспитанный в духе сионизма, много сделал для организации групп переселенцев в Палестину, куда переехал сам в 1912г. Активно участвовал в создании системы самообороны еврейских поселений в Галилее. Был убит во время стычки с арабами.

Могу оставить жену и не быть одиноким,
Могу изменять, могу лгать и, не стыдясь, плакать
Без того, чтоб быть брошенным на погибель.

לְזַנֵּחַ אֶת אִשְׁתִּי בְּלִי לִהְיוֹת בּוֹדֵד,
לְבַכּוֹת בְּלִי בּוֹשָׁה וְלִבְגֵּד וּלְשִׁקָּר
בְּלִי לִהְיוֹת מִפְּקָר לְאַבְדּוֹן.

Эту землю покрыли мы полем и лесом,
Но нам не хватило времени, чтоб прикрыть наши лица,
Голы они и в гримасе печали и в уродстве веселья.

זֹהִי הָאֶרֶץ שִׁכְסִינוּ אוֹתָהּ בְּשָׂדֶה וּבַיַּעַר
וְלֹא הָיָה לָנוּ זְמַן לְכַסּוֹת אֶת פְּנֵינוּ
וְהָןּ עֲרֻמוֹת בְּעוֹתֵי הַצֶּעַר וּבִכְעוֹר הַשִּׂמְחָה.

Это страна, где земля полна мёртвых
Вместо золота, угля, железа. Они –
Топливо для явления мессий.

זֹהִי הָאֶרֶץ שִׁמְתִּיהָ בְּאֲדָמָה
בְּמָקוֹם הַפָּחַם וְהַזָּהָב וְהַבְּרָזָל
וְהֵם הַדִּלֵּק לְבִיאוֹת מְשִׁיחִים.

(13)

[יג]

Нафтали Герц Имбер³ сочинил гимн «Надежда»,
Спился в Кливленде, штат Огайо,
И умер без всякой надежды. «Ещё не исчезла...»
Ни Польша, ни надежда двух тысяч лет.
К благородной царице приставлена крепкая стража.
Рассыпаны звёзды по поверхности флага. Отчизны сыны
Давно поднялись и ушли. И давно уже мёртвы.
(Скажи мне, что ты ещё любишь меня.) Так вставай
И воспрянь, это будет последний бой.
Я немного тебя провожу. Стоит мне уничтожить
Одно только взлётное поле разлук, как вместо него
Вырастают две железнодорожные станции, порт...
Как у древнего монстра.

נִפְתָּלִי הֶרֶץ אִימְבֵּר חִבֵּר אֶת הַתְּקוּהָ
וְהַשְׁתַּכֵּר בְּקְלִיבְלֵנד, אוֹהַיֹּ
וּמֵת בְּלִי תְּקוּהָ. "עוֹד לֹא אָבְדָה"
לֹא פוֹלְנִיָּה וְלֹא הַתְּקוּהָ שְׁנוֹת אֲלִפִּים.
הַמַּלְכָּה הָאֲצִילָה נְצוּרָה הֵיטֵב. הַפּוֹכְבִּים
כָּבֵר מִפְּזָרִים עַל פְּנֵי הַדָּגָל וּבְנֵי
הַמוֹלָדֶת קָמוּ וְהִלְכוּ מִזְמַן וּמֵתָו.
(תְּגִידִי לִי שְׂאֵת אוֹהֶבֶת אוֹתִי.) קוּם
הַתְּנַעֵר, זֶה יְהִי קֶרֶב אַחֲרוֹן.
אֲלוֹהֵי אוֹתָהּ קִצְתָּ. כְּשֶׁאֲנִי מְשִׁמִּיד
שָׂדֶה תְּעוּפָה אֶחָד שֶׁל פְּרֻדָּה, צוּמְחִים
בְּמָקוֹמוֹ שְׁתֵּי תַחֲנוֹת רֶכֶת וְנִמְלֵ
אֶחָד, כְּמוֹ שֶׁל מִפְּלֻצֶת עֵתִיקָה.

³ Стихотворение, положенное в основу гимна Израиля «Атиква» (надежда), Нафтали Герц Имбер (1856-1909), уроженец Галиции (Польша), сочинил, по его словам, в 1878 году. «Ещё не пропала..., пока...» – слова из этого стихотворения имеют отношение и к гимну Польши ("Ще Польска не сгинела")

«Королеву хранит благородную крепкая стража» - намёк на близкое знакомство Имбера с английским дипломатом, писателем и мистиком, членом палаты общин Оливером Олифантом и с его женой Элис, к которой Имбер был неравнодушен. Она вскоре умерла, и Бог, надо полагать, хранит её на небесах. (Амихай употребляет тот из синонимов слова «хранить», что используется и в переводе на иврит английского гимна «Боже, храни королеву». Да и сам «сын отчизны» Имбер, пробыв в Палестине пять лет, перебрался в США и покойся под звёздно-полосатым флагом. Далее следует цитата из гимна Коммунистического интернационала ("это будет последний..."). Четыре гимна в одном стихотворении!

Мы пока не пропали. Ну, ещё понемногу. Я мчусь,
Опьяневший и раненый тяжело, вглубь ночи.

(14)

По желанию ночи оставил я вёчера землю.⁴
К кедрам я опоздал, их давно уже нет.
Опоздал я и к А.Д.Гордону, и бóльшую часть болот
Осушили, когда я был ещё мал.

Но я удержался от плача, и это
Укрепило основы, и ноги мои,
Что ступают в отчаянье счастья,
Сделались словно плуг или дорожный каток.
Я подрастал, а голос ломался и у матери нашей, Рахели.⁵
Ко мне возвращаются мысли под вечер,
Как жнецы времён Дгании, полные пыли и счастья
Наверху на арбе.

Теперь я живу в горном городе; здесь темнеет
Раньше, чем около моря.
И я живу в доме, в котором темнеет раньше, чем за стеной.
Но в сердце моём, где я, в самом деле, живу,

עוד לא אבדנו, עוד קצת. אני דוהר
שכור ופגוע קשה לתוך הלילה.

[יד]

מרצון הלילה עזבתי את ארץ הערב
אחרתי לארזים, כבר לא היו.
גם אחרתי לא.ד.גורדון ורוב הבצות
כבר היו מיבשות בילדותי.

אבל התאפקותי מבכי הקשתה
את היסודות. ורגלי הדורכות
ביאוש אשרי עשו כמחרשות
וכסוללי כבישים.
ובהתבגרותי נשבר גם קול רחל אִמּוֹ.
מחשבותי חוזרות אלי לפנות ערב
פקוצרים מימי דגניה, באבק ובאש.
במרומי עגלה.

עכשו אני גר בעיר הרים שבה מחשיך
לפני שמחשיך ליד הים.
ואני גר בבית שבו מחשיך לפני החוץ.
אבל בלבי, שבו אני גר באמת,

⁴ "Землю вёчера", Германию, семья Амихая покинула в 1935г. из-за наступившей фашистской "ночи". В Израиле западные страны всегда ассоциировались с вечером, с закатом, а восточные - с утром, с восходом солнца. ("маарав" – запад от слова "эрэв" – вечер).

Ливанские кедр, распространённые когда-то и в северной Палестине, были вырублены турками на топливо для паровозов ещё до 1918г.

А.Д.Гордон (1856-1922) – сионист и толстовец, идеолог и практический участник (с 48-летнего возраста) освоения земли Израиля коллективным «еврейским» трудом, в процессе которого была, в частности, осушена заболоченная малярийная низменность Хула в истоках Иордана.

⁵ Здесь Амихай, как он это нередко делал, использует цепочку ассоциаций. Вначале имеется в виду библейская праматерь Рахель, плачущая по ушедшим из страны сыновьям, которую утешает Господь, предсказывая их возвращение (Пророки. Иеремия, 31, 14), а затем - знаменитая поэтесса Рахель (Блувштейн), которая, приехав в Палестину вторично, после Первой мировой войны, работала некоторое время на сельскохозяйственной ферме в Дгании. Рахель обогатила лексику и тематику ивритской лирической поэзии. Амихай цитирует её стихотворение "Может, этого не было вовсе" (см.)

Всегда темнота.
Может быть, под конец будет свет
И в нём, как на севере дальнем.

(15)

Даже любовь свою я измеряю днями войны,
Я говорю: «Это случилось после Второй
Мировой, мы встретились за день до Шестидневной
Войны». Никогда не скажу «до мира
45-48го» или «посредине
Мира 56-67го».

Но известие о мире
Переходит с места на место,
Как детские игры,
Что так похожи во всех местах.

(16)

Песня влюблённых в Иерусалиме: включили
Нас в большинство гневных пророчеств
И почти во все добрые вести.

На красивых открытках с видами города
Мы присутствуем тоже. Нас только не видно:
То ли мы внутри дома,
То ли слишком малы -
Снимок сделан с пролетающего самолёта.

(17)

Похоронное шествие на горе Сион.
Гроб качается, как соломинка
Над процессией чёрных мурашек.

תמיד חשך.
אולי פעם בסוף יהיה אור
כמו בצפון הרחוק.

[טו]

אפילו אהבותי נמדדות בימי מלחמה,
אני אומר, זה קרה אחר מלחמת העולם
השנייה. נפגשנו יום לפני מלחמת
ששת הימים. לעולם לא אמר,
לפני השלום 45-48 או באמצע
השלום 56-67.

אבל ידיעת השלום
עוברת ממקום למקום,
כמו משחקי ילדים
שדומים כל כך בכל מקום.

[טז]

שיר אוהבים בירושלים: אנחנו
כלולים ברב נבואות הזעם
וכמעט בכל הבשורות הטובות.

גם בגליות היפות של עירנו
אנחנו נמצאים. אולי אי אפשר לראות
אותנו כי ישבנו בבית,
או קטנים מדי:
הצלום נעשה ממטוס עובר.

[יז]

לנה בהר ציון: ארון מתים
נשא, מתנדנד, פקש קטן
על תהלוכת נמלים שחורות.

Чёрная сумка вдовы блестит
На вечернем солнце. Да, Ты отец наш.
Да, Он наш царь. Да, во дни наши нет нам Мессии.⁶

(18)

Могилы в Иерусалиме, как входы в пещеры
Глубокие в день их закладки.
Потом уже не продолжают копать.

Надгробья – роскошные краеугольные камни
Зданий, которые не построят вовек.

(19)

Бог построил Иерусалим, как старый моряк,
Который строит модель корабля в бутылке.
Зачем? Ведь судно в море было бы лучше
И плыло бы. Город в высоком небе был бы красивее всех.⁷

(20)

У Баруха бен-Нерия⁸ есть переулок,
Названный его именем, около рынка.
Я обнаружил его этой весной.

О Барух, человек благородный,
Смелым он был , как цветенье, и силен,

תיק האלמנה השחר מבריק
בשמש הערבים. שאתה אבינו,
שהוא מלכנו, שאין מושיענו בזמן הזה.

[יז]

הקברים בירושלים הם פתחי מנהרות
עמקות ביום חג חנקתם.
אחר כך לא ממשיכים לחפר.

המצבות הן אבני יסוד מפארות
לבנינים שלא יבנו לעולם.

[יט]

אלהים בנה את ירושלים, כמו ספן זקן
שעשה אניה קטנה בתוך בקבוק.
לשם מה ? הרי אניה בים טובה יותר
ונוסעת. ועיר בשמים הגדולים יפה מכלן.

[כ]

לברוך בן נריה יש סמטה קטנה
שנקראת על שמו, לא רחוק מן השוק.
גליתי אותה באביב הזה.

הו ברוך, האיש האציל הזה,
שהיה אמיץ כפריחה וגבור

⁶ Переиначенная цитата из утренней молитвы "Шахарит": "Ты Господь, Отец наш, Царь наш ... И наш Спаситель".

⁷ В еврейской традиции всегда различался верхний (небесный) Иерусалим и нижний (земной).

⁸ Барух бен-Нерия бен-Махсейя (6 век до н.э.) – оказал большое влияние на пророка Иеремию и помогал в распространении его пророчеств, стойко перенося невзгоды времён падения Иудейского царства и вавилонского пленения.

Как слёзы, которые прорываются сквозь
Глаз тяжёлый истории. Никогда
Он не плакал.

Сейчас подобен Иерусалим той,
Что хочет, чтобы все любящие её,
Любили друг друга,
И знает, что это не так.

(21)

Иерусалим – это место, о котором все помнят,
Что забыли там что-то,
Но не помнят, что именно.

И для того, чтобы вспомнить,
Я надеваю на лицо своё лицо моего отца.

Это мой город, здесь наполняются сосуды моих снов,
Как кислородные баллоны ныряльщиков перед погруженьем.

Святость в нём
Превращается иногда в любовь.

И вопросы, задаваемые в этих горах,
Остаются всё теми же: ты не видел моего стада?
Ты не видел моего пастуха?

И дверь моего дома открыта,
Как могила, покинутая в день воскресения мёртвых.

(22)

Это конец пейзажа. Среди блоков
Бетона и ржавеющего железа стоит
Смоковница с грузом тяжёлых плодов.

כְּדַמְעוֹת הַמִּבְקִיעוֹת אֶת הָעֵין
הַקָּשָׁה שֶׁל הַהִיסְטוֹרִיָּה. בְּעֶצְמוֹ
לֹא בָקָה מְעוֹלָם.

עֲקֹשׂוּ יְרוּשָׁלַיִם כְּמוֹ אֶחָת
שְׂרוּצָה שְׂכַל הָאוֹהֲבִים אוֹתָהּ
יִהְיוּ גַם זֶה אֶת זֶה,
וְהִיא יוֹדַעַת שֶׁלֹּא.

[כא]

יְרוּשָׁלַיִם, מְקוֹם שֶׁהִלֵּל זִכְרִים
שֶׁשָּׁכְחוּ בּוֹ מִשְׁהוֹ
אֲבָל הֵם אֵינָם זִכְרִים מֵהַ שָּׁכְחוּ.

וּלְצִרְךָ זְכִירָה זוֹ אֲנִי
חוֹשֵׁב עַל פָּנַי אֶת פָּנֵי אָבִי.

זֹהִי עִירִי שֶׁבָּהּ מִתְמַלְאִים כָּלִי חִלּוּמוֹתַי
כְּמוֹ מִכְּלִי חֶמֶץ שֶׁל צוּלָלִים לְצִלָּל.

הַקִּדְשָׁה בָּהּ
הוֹפֶכֶת לַפְּעָמִים לְאֵהָבָה.

וְהַשְׁאֵלוֹת שֶׁשׁוֹאֲלִים בְּהָרִים הָאֵלֶּה
נִשְׁאָרוּ כְּתִמִּיד : רְאִיתָ אֶת הַצֹּאן שְׁלִי ?
רְאִיתָ אֶת הָרוֹעֶה שְׁלִי ?

וְדִלַּת בֵּיתִי פְתוּחָה
כְּמוֹ קֶבֶר שֶׁמִּתּוֹכּוֹ קָמוּ לְתַחֲיָהּ.

[כב]

זֶה הַסּוֹף שֶׁל הַנוֹף. בֵּין גּוּשֵׁי
בֶּטוֹן וּבִרְצֵל מַחְלִיד עוֹמֵד
עַץ תְּאֵנָה נוֹשֵׂא פְּרוֹת כְּבִדִּים

Но даже дети не приходят их собирать.
Это конец пейзажа.
Внутри трупa матраса, гниющего в поле,
Остались пружины, как души.

Отдаляется дом, в котором я жил,
Свет горящий оставлен в окне
Не для того, чтоб слышали, - только, чтоб увидали.⁹
Это конец.

Поллюбить снова – проблема,
Как у архитектора в старом городе: надо
Строить на прежнем месте
Так, чтоб выглядело, как раньше, но современно.

(23)

Девятнадцать лет город был разделён –
Время жизни юноши, павшего, может быть, на войне.
Я с тоской вспоминаю тот покой, ту тоску.
Сумасшедшие пересекали, бывало, разделявший город забор:
Он был прорван врагами.
Влюблённые до него доходили и пробовали,
Как акробаты в цирке пробуют сетку
Перед отчаянно смелым прыжком.
Ничейные полосы в городе были вроде спокойных заливов,
И плыла тоска наверху в небесах,
Как корабли, чьи якоря в нас вонзились и вызывали
Сладкую боль.

(24)

Сжигают фотоснимки разделённого Иерусалима

אבל אפילו ילדים לא באים לקטף.

ובתוך נבלת מזרן הנרקב בשדה
נשארו הקפיצים כנשמות.

הבית שגרתי בו מתרחק,
האור השאר דלוק בחלון
למען לא ישמעו ורק יראו.
זה הסוף.

ולאהב מחדש הוא כמו בעיה
של אדריכלים בעיר ישנה : לבנות
שוב במקומות שכבר היו
שייטאו כמאז ובכל זאת של עכשו.

[כג]

תשע עשרה שנה הייתה העיר מחלקת
כמשך חיי אדם צעיר שאולי נפל במלחמה.
אני זוכר בגעגועים את השלל ואת הגעגועים.
משגעים היו עוברים את הגדר החוצה,
אויבים פרצו אותה,
אוהבים נגשו עדיה ובדקו אותה,
כמו לוליני קרקס הבודקים את הרשת
לפני קפיצתם הנועזת.
שטחי הפקר היו בה כמפרצים רוגעים
וגעגועים שטו בשמים מעל,
פאניית שעגניהן ננעצו בנו
והכאיבו מתוך.

[כד]

את התצלומים של ירושלים המחלקת

⁹ В еврейских молитвах часто повторяется выражение "чтобы увидели и убоялись" (ирау), что созвучно слову "увидели" (иръу).

И любовные письма прекрасные
Тихой возлюбленной.

Вернулась - богатая, здоровая, шумная,
С золотом, медью, камнями
К сытой законной жизни.

Но я не люблю её
И вспоминаю порою ту, тихую.

(25)

Старый учитель гимнастики загорает
На солнце возле стены. Далеко от его головы
Начищенные ботинки, а вверху изгибается,
Морщится тоска, подобно хрупкой бумаге.
Я не знал, что учителя гимнастики могут быть
Печальны. Он устал,
Ему хочется только одного:
Чтоб красивая туристка за соседним столом
Встала и прошла перед ним, качая
Округлым задом, привезенным ею из-за границы.
Больше не нужно ему ничего.

(26)

Давид бен-Ишай.¹⁰ Могила вечером перед субботой.
Вокруг покойно: ведь он никогда тут и не был. Мне нравится
Этот заброшенный уголок с его памятным садиком,
Запах воска (как все запахи женщины, которую раньше любил
И которую время и боль времени сделали самой красивой из всех).

Здесь в пустых залах я должен снова говорить правду

¹⁰ Давид бен-Ишай – царь Давид, сын Ишай.

שׁוֹרְפִים, וְאֶת מִכְתָּבֵי הָאֱהָבָה
הַיָּפִים כָּל כֶּר שֶׁל אֱהוּבָה שֶׁקָּטָה.

חֲזָרָה הַגְּבִירָה הַשְּׁלֵמָה וְהַרוֹעֶשֶׁת
עִם הַזָּהָב וְהַנְּחָשֶׁת וְהָאֲבָנִים
לַחַיִּים שְׂמִנִּים וְחֻקִּים.

אֲבָל אֲנִי לֹא אוֹהֵב אוֹתָהּ,
אֲנִי זֹכֵר לְפַעֲמִים אֶת הַשֶּׁקֶטָה.

[כה]

מוֹרָה הַתַּעֲמָלוֹת זָקֵן מִשְׁחִים
בְּשֶׁמֶשׁ לֵיד הַחוּמָה. נִעְלִיו מִצְחָצְחוֹת
הַרְחֵק מֵרָאשׁוֹ, וְלִמְעָלָה מִתְּכּוֹפָפִים,
מִתְקַמְטִים הַגִּעְגּוּעִים כְּנִיר פָּרִיךְ.
לֹא יָדַעְתִּי שְׁמוֹרֵי הַתַּעֲמָלוֹת יְכוּלִים
לְהִיּוֹת עֲצוּבִים. הוּא עֵיף
וְלֹא רוּצָה דָּבָר מִלְּבַד זֶה,
שֶׁהַתִּירָת הַיָּפָה הִיּוֹשֶׁבֶת בְּשִׁלְחוֹן לֵידוֹ
תִּקְוָה לְפָנָיו וְתִתְהַלֵּךְ בְּנִיעַ עֲכוּזִיָּה
הַעֲגָלִים שֶׁהֵבִיָּאָה מֵאַרְצוֹתֶיהָ.
לֹא רוּצָה דָּבָר יוֹתֵר.

[כו]

קָבַר דָּוִד בֶּן יִשִּׁי בַּיּוֹם שֶׁשִּׁי לְפָנוֹת עָרֵב
בְּשִׁלְחוֹת לֹא הָיוּתוּ כָּאֵן מַעוֹלָם. אֲנִי אוֹהֵב
אֶת הַמָּקוֹם הָעֶזוּב עִם גִּנוֹת נִשְׁמָה אֲמִתִּיּוֹת,
עִם רֵיחַ שַׁעוֹה כְּמוֹ כָּל רֵיחַ אִשָּׁה שֶׁפַּעַם אֶהְבֵּתִי,
אֲשֶׁר הַזְּמַן וְכָאֵב הַזְּמַן עָשׂוּ אוֹתָהּ לִיפָה מְכֻלָּן.

И плакать в сгиб локтя,
И смеяться в пустую ладонь, как больной при кашле.

Из овец для закланья ни одна здесь теперь не проблеет,
Ни один язык не будет лизать слова между камнями,
Все ушли на бурлящий рынок дешёвых молитв,
Вниз, на весёлую ярмарку у Стены плача.

Могила Давида. Она открывается в час, когда
закрывают ворота,¹¹

И остаётся открытой. Город духов искателей золота,
Пустая квартира: один постоялец ушёл, других пока нет,
Тело, что вскрыли и снова зашили, оставив на тихую смерть.

Но своего последнего сына назвал я Давидом.

(27)

Игрушки богатого бога – единственного и избалованного.
Куклы, ангелы, мраморный шарик, колокольчик, стекло,
Золотые колёсики, связки свирелей.

Но игрушки бедных детей бедного бога.
На праздник трещотки к молитве, ветки пальмы
Сухие, маца и нет более дорогого,
Чем склянка дешёвых духов,
Над которой кружится флажок.¹²

(28)

כָּאן, בְּאוֹלְמוֹת הַרִיקִים אֲנִי צָרִיךְ לְדַבֵּר שׁוּב אֶמֶת
וְלִבְכוֹת לְתוֹךְ פָּנִים הַמִּרְפֵּק
וְלִצְחָק לְתוֹךְ כָּף יָד חֲלוּלָה כִּיּוֹרֵק חוֹלָה.

אֶף כֶּבֶשׂ תִּפְלֶה אֶחָד אֵינוֹ פּוֹעֶה כָּאן.
אֶף לְשׁוֹן לֹא תִלַּחֵךְ עוֹד מַלִּים בֵּין אֲבָנִים.
כָּלֵם הֵלְכוּ לְשׁוּק הַגּוֹעֵשׂ שֶׁל תְּפִילוֹת זִלּוֹת
יָרְדוּ לִירִיד הָעֵלִיז שֶׁל הַכֶּתֶל הַמַּעֲרָבִי.

קֶבֶר דָּוִד, שַׁעַר שְׁנָפֶתַח לְעֵת נְעִילַת הַשַּׁעַר
וְנִשְׁאָר פְּתוּחַ. עִיר רַפָּאִים שֶׁל מַחֲפָשֵׁי זָהָב.
דִּירָה רִיקָה בֵּין דִּיר וְדִיר.
גּוֹף שֶׁנִּתְחַו אוֹתוֹ וְסָגְרוּ אוֹתוֹ שׁוּב לְמוֹת בְּשָׁקֵט.

אֲבָל אֲנִי קִרְאֲתִי לִבְנֵי הָאֲחֵרוֹן, דָּוִד.

[כז]

צַעֲצוּעִים שֶׁל אֵל יַחִיד עֲשִׂיר וּמִפְנֵק.
בְּבוֹת, מְלָאכִים וְגִלּוֹת שִׁישׁ, פַּעֲמָן וְזִכְכִּית.
גִּלְגָּלִי זָהָב וְצִרְזוֹת חֲלִילִים.

אֲבָל הַצַּעֲצוּעִים שֶׁל יְלָדִים עֲנִיִּים
שֶׁל אֵל עֲנִי. רַעֲשֵׁנִי תִפְלוּת, עֲנִפִּי
תִּמְר יִבְשִׁים, מִצּוֹת. לְכָל הַיּוֹתֵר
קִפְסַת בְּשָׁמִים זִלִּים
עַם דְּגִלּוֹן קָטָן שֶׁמִּסְתַּבֵּב.

[כח]

¹¹ В молитве Судного дня евреи обращаются к Всевышнему с просьбой "открыть врата в час, когда врата закрываются", т.е. дать им надежду.

¹² Здесь пышные украшения христианских церквей сравниваются со скромными атрибутами еврейских праздников

Чьё лицо здесь спокойнее всех?
Звонит колокол на горе Сион.
Кто идёт там на гору Мориа?
Дети идут с родителями в субботу,
Едят гниль миндаля с плесенью шоколада.

Кто не накрывал здесь стол?
Цари, полководцы, пророки,
Что играли в кости на игрушечный Иерусалим,
А потом разбрасывали по всему свету.

Кто-нибудь видел голый Иерусалим?
Даже археологи не видали.
Никогда не разоблачался он до конца,
Всегда в новые одевался дома
Поверх ветхих, разрушенных и разбитых.

(29)

Люди уезжают далёко затем,
Чтобы сказать: мне это напоминает другое место...
Тут так и было... это похоже. Но я
Был знаком с человеком, который уехал в Нью-Йорк
С целью самоубийства. Он утверждал, что дома́
В Иерусалиме слишком низки и что тут его знают.

Я поминаю его добром за то, что он вызвал
Меня из класса посреди урока:
«Красивая женщина ждёт Вас снаружи, в саду»
И утихомирил шумящих детей.

Когда я думаю об этой женщине и о саде,
Я вижу его на высокой крыше —
Одиночество смерти его и его одиночества смерть.

למי הפנים השקטות ביותר כאן ?
מַצְלִיל הפַּעֲמוֹן מֵהָר צִיּוֹן.
מִה הוֹלֵךְ לְהָר המִּזְרֵיָה ?
יְלָדִים הוֹלְכִים עִם הוֹרֵיהֶם בְּשַׁבָּת
וְאוֹכְלִים שְׂקָדִים רְקוּבִים וְעֹבֵשׁ שׁוּקוֹלָד.

מי לא סִדֵּר אֶת הַשֻּׁלְחָן ?
מְלָכִים וּמַצְבִּיאים וְגַם נְבִיאִים
שֶׁשָּׁחֲקוּ בְּקִבּוּז עַל יְרוּשָׁלַיִם הַשֻּׁלְחָן
וְאַחֵר כִּי פָזְרוּ עַל כָּל הָעוֹלָם.

מי, פֶּעַם, רָאָה אֶת יְרוּשָׁלַיִם עֲרֻמָּה ?
אֲפִילוֹ אַרְכֵיאוֹלוֹגִים לֹא רָאוּ.
כִּי לְעוֹלָם לֹא הִתְפַּשְׁטָה עַד הַסּוֹף.
תַּמִּיד לְבָשָׁה בְּתִים חֲדָשִׁים
עַל הַבְּלִיִּים וְהַנִּקְרָעִים וְהַנִּשְׁבָּרִים.

[כט]

אֲנָשִׁים נוֹסְעִים הִרְחִק כְּדִי
לומר : זֶה מְזְכִיר לִי מְקוֹם אֲחֵר.
זֶה כְּמוֹ אֲז, זֶה דּוֹמָה. אָבֵל
אֲנִי הִכְרַתִּי אִישׁ שֶׁנִּסַּע לְנִיּוֹ יוֹרֵק
כְּדִי לְהִתְאַבֵּד. טַעַן שִׁבְתִּי יְרוּשָׁלַיִם
נְמוּכִים מְדִי וְשִׁמְכִירִים אוֹתוֹ.

אֲנִי זֹכֵר אוֹתוֹ לְטוֹבָה, שְׁהוֹצִיא
אוֹתִי מִן הַפֶּתַח בְּאֲמַצֵּעַ הַשְּׁעוּר :
"אִשָּׁה יָפָה מְחַכָּה לְךָ בַּחוּץ, בְּגִן"/
וְהִרְגִיעַ אֶת הַיְלָדִים הָרוֹעֵשִׁים.

כְּשֶׁאֲנִי חוֹשֵׁב עַל הָאִשָּׁה וְהַגֵּן,
אֲנִי זֹכֵר אוֹתוֹ עַל הַגַּג הַגְּבוּוֹה,

(30)

Друзья мои вечером дома,
Их печаль – вечера этого аромат,
Их счастье мне увлажняет глаза.

До войны жили они вдоль границы,
Сильны, как берег крутой. Сейчас плывут,
Захваченные внезапным приливом,
Легки, как нанос, бог их – пена.

Друзья мои, нет углов у моей души,
Трудно меня ухватить и использовать в кладке.
Через щели во мне прорываются солнце и горе.

Отец, я не вышел по формам, которые ты изготовил,
Сейчас они пусты, как камни вокруг
И как другие дома.

По всему, что я вижу в окне, я провожу пальцем
Горизонтальную линию, как проводят,
Чтобы легче читать строку.

(31)

Четыре синагоги зарылись в землю рядом ¹³
От бомбёжек господних.
В одной - ковчег Торы с тайником для сладостей
И сладкая смесь из божественных слов благословенного года

[ל]

יְדִידֵי בְּבֵיתָם הָעֶרֶב,
עֲצֻבוֹתָם הִיא הַבֶּשֶׂם שֶׁל הָעֶרֶב הַזֶּה,
אֲשֶׁר מְבִיא לַחוּת לְעֵינַי.

עַד לְמַלְחָמָה גָּרוּ לְאֶרֶץ הַגָּבּוּל
חֲזָקִים כְּחוֹף תְּלוּל. עֲקָשׁוּ הֵם שְׂטִים
קָלִים כְּסַחֵף שְׁהֲגָאוֹת
הַפְּתִיעָה אוֹתוֹ. הִקְצֹף הוּא אֱלֹהֵיהֶם.

יְדִידֵי, נִפְשֵׁי עֲגָלָה וְאִין בָּה זְוִיזוֹת
לִכֵּן קָשָׁה לְהַצְמִיד אֵלַי וּלְהַשְׁתַּמֵּד בִּי בְּבִנְיָן,
יֵשׁ רוּחִים לְפָרִיצַת שֶׁמֶשׁ וְיָאוֹשׁ.

אָבִי, לֹא יֵצְאֹתִי לְפִי הַתְּבִנְיּוֹת שֶׁהִכְנֵתָ,
הֵן רִיקוֹת עֲקָשׁוּ כְּאַבְנִים סָבִיב
וּכְבָּתִּים אַחֲרֵיהֶם.

אֲנִי מַצְבִּיעַ עַל מָה שֶׁנִּרְאָה מִחִלּוֹנִי
בְּקוּיִם מְאֻזְנִים, כִּיד שְׁעוֹזֶרֶת
לְקֶרֶא שׁוּרוֹת בְּסֹפֶר.

[לא]

אַרְבָּעָה בָּתֵּי כְּנֶסֶת הַתַּחֲפָרוּ יִחָדוּ בְּאַדְמָה
נֶגֶד הַפְּצֻצוֹת הָאֱלֹהִים.
בְּאַחַד, אֲרוֹנוֹת קֹדֶשׁ עִם מִמְתָּקִים חֲבוּיִים

¹³ Четыре средневековые подземные сефардские синагоги находятся в Старом городе Иерусалима.

Чолнт – кушанье, которое готовится накануне субботы и остаётся горячим до трапезы. Хупа – свадебный балдахин.

«...с книгами Торы, ... снимающими с себя одежды...». Книга Торы представляет собой свиток, хранящийся в специальном чехле-футляре.

«И четвертая: из того, что оставалось у Бога». Возможно, намёк на то, что одна из синагог – небольшое проходное помещение.

В красивых баночках для детей,
Чтобы, стоя на кончиках пальцев,
могли облизывать золотую палочку.
Есть там и печки с чолном и кашей бурлящей.
Во второй – четыре крепких столба для вечной хупы
Над ушедшей любовью.
Третья – старая баня с окошками сверху
И с книгами Торы, голыми и снимающими с себя
Одежды. «Ответь нам, ответь нам».¹⁴
В облаках дыма и белого пара:
Ответь нам, ответь нам – до полной потери чувств.

И четвёртая:
Из того, что осталось у Бога.

Да, вот шатры твои, Яков, в пучинах.¹⁵
«Отсюда начнётся спуск. Оставаться на месте,
Покуда не будет дан знак».¹⁶
Как полёт, где посадки не будет вовек.

(32)

На площадке, бывшей местом свиданий влюблённых,
Разместился румынский цирк.

Вкруг закатного солнца сгрудились облака,
Как беженцы в убежищах чужого края.

Человек двадцатого века
Отбрасывает византийскую тёмно-лиловую тень.

וּמִרְקַחַת מְתוּקָה שֶׁל דָּבָר אֲדָנִי מְעוֹנָה בְּרוּכָה
בְּצִנְצָנוֹת יָפוֹת. בְּשִׁבְלֵי יְלָדִים
לְעֵמֶד עַל קְצוֹת הָאֲצָבָעוֹת וּלְלֶקֶק בְּאֲצָבַע זָהָב.

גַּם תַּנּוּרִים עִם חֲמִין וְדִיסָה גּוֹלֶשֶׁת
בְּשִׁנִּי, אֲרֻבָּעָה עֲמוּדִים חֲזָקִים לְחֶפֶת נֶצַח.
בְּדִיעַבַּד אֶהְבֶּה.
הַשְּׁלִישִׁי, בֵּית מְרוֹחַץ יֶשֶׁן עִם אֲשֻׁנָּבִים לְמַעַלָּה,
וְסִפְרֵי תוֹרָה עֶרְמִים אוֹ מִתְּפַשְׁטִים
מִשְׁמֵלוֹתֵיהֶם. "עֲנֵנוּ, עֲנֵנוּ"
בְּעֲנֵנִי קִיטוֹר וּבְאֲדִים הַלְבָּנִים
עֲנֵנוּ עֲנֵנוּ עַד אֲבֹדֵן הַחוּשִׁים.

הָרְבִיעִי :
מִתּוֹךְ הָעֶזְבוֹן שֶׁל הָאֱלֹהִים.

כֵּן. אֵלֶּה אֶהְיֶה יַעֲקֹב בְּמַעֲמָקִים.
"מִכָּאן תִּתְּחִיל הַיְרִידָה. לְהִשְׁאֹר
בְּמִקְוֹמוֹת עַד הַנֶּתֶן הַסִּימָן",
כְּמוֹ בְּטִיסָה שְׁלֵעוֹלָם לֹא תִנָּחַת.

[לב]

בְּמִגְרֵשׁ שֶׁהִיָּה קִפְנֹדֵרִית אוֹהֲבִים
חוֹנָה קִרְקָס רוֹמָנִי.

לֵיד הַשְּׁקִיעָה מִתְנַוֶּדֶדִים עֲנֵנִים
כְּפָלִיטִים בְּעִיר מְקֻלָּט זָרָה.

אִישׁ מִן הַמָּאָה הָעֶשְׂרִים
מְטִיל צֶל בִּיזְנֹטִי סֵגֶל-כְּהָה.

¹⁴ "Ответь нам, ответь нам" – часто встречающееся выражение в молитвах.

¹⁵ В Торе рассказывается, что прорицатель и колдун Билам (Валаам) был нанят моавитянами, чтобы проклясть народ Израиля (Якова), но по внушению Всевышнего стал вместо этого восхвалять евреев: «Как хороши шатры твои, Яков...»

¹⁶ «Оставаться на месте...» – напоминает и указание стюардессы, и команду охраны фашистского концлагеря вновь прибывшим узникам.

Женщина прикрывает глаза, подняв руку
С позвякивающей виноградной гроздью.

Боль нашла меня среди улицы,
Свистнула своим друзьям: вот ещё один.

На могилу отца устремились дома-новостройки,
Как колонны танков. Она осталась гордой и устояла.

Мужчина, у которого нет ничего общего с миром грядущим,
Лежит с женщиной, у которой есть.

Их страсть усиливается
Воздержанием всех живущих в окрестных монастырях.

Вот - этот дом, где любовь на карнизе
И одиночество в сваях.

«С крыши видно...» или «В будущем году...»¹⁷ —
Между двух этих фраз проходят время и мир.

В этом городе уровень грунтовых вод
Всегда ниже уровня мёртвых.

(33)

Песня рождения. Познание вод вокруг нас
Начинаем со слёз.
Иногда я люблю воду, иногда - камень.
Сейчас, мне кажется, больше люблю камни.
Но это может измениться.

(34)

אִשָּׁה מְצִלָּה עַל עֵינֶיהָ בְּיָד מוֹרֶמֶת
בְּצִלְצוֹל אֲשָׁכּוֹל עֲנָבִים מוֹרֵם.

כָּאֵב גָּלָה אוֹתִי בְּרַחוּב
הוּא שָׂרָק לַחֲבֵרָיו : הִנֵּה עוֹד אֶחָד.

עַל קֶבֶר אָבִי נִשְׁטְפוּ בְּתִים חֲדָשִׁים
כְּטוּרֵי טְנָקִים. הוּא נִשְׁאַר גָּאָה וְלֹא נִכְבָּשׁ.

אִישׁ נִשְׁאֵין לוֹ חֶלֶק בְּעוֹלָם הַבָּא
שׁוֹכֵב עִם אִשָּׁה שֵׁשׁ לָהּ.

תְּשׁוּקָתָם מְחַזְקֶת
עַל יְדֵי כָל הַמִּתְאַפְּקִים בַּמִּנְזָרִים סָבִיב.

הַבֵּית הַזֶּה עִם אֶהְבָּה בְּכַרְכָּב
וּבְדִירוֹת בַּמָּקוֹם תִּמְוָכָה.

"מִן הַגַּג רוֹאִים" אוֹ "בְּשָׁנָה הַבָּאָה"
בֵּין שְׁנֵי אֱלֹהִים מִתְנַהֵל עוֹלָם וְזָמָן.

בְּעִיר הַזֹּאת מִפְּלֵס הַמַּיִם תִּמְיֵד
מִתַּחַת לְמִפְּלֵס הַמַּיִם.

[לג]

שִׁיר מוֹלָדֶת. הַכָּרַת הַמַּיִם שֶׁל הַסְּבִיבָה
מִתְחִילָה בְּדַמְעוֹת.
לְפָעָמִים אֲנִי אוֹהֵב מַיִם, לְפָעָמִים אֶבֶן.
עֲקָשׁוֹ אֲנִי נוֹטֶה חֶסֶד יוֹתֵר לְאֲבָנִים.
אֶךְ זֶה עָשׂוּי לְהַשְׁתַּנּוֹת.

[לד]

¹⁷ Традиционное пожелание: "В будущем году в отстроенном Иерусалиме!"

Пусть гора памяти вспомнит вместо меня,
 Это её дело. Пусть вспомнит сад памяти,
 Пусть вспомнит улица имени,
 Дом известный пусть вспомнит,
 Дом молитвы, имя Бога носящий, пусть вспомнит,
 Свиток Торы пусть вспомнит. Пусть вспомнит
 Поминальный "Изкор". Пусть вспомнят флаги
 И цветной саван истории тел,
 Что давно стали прахом. Пусть вспомнит тот прах,
 Мусор возле ворот¹⁸, плацента пусть вспомнит.
 Звери в поле и птицы небесные пусть, насытившись, вспомнят.
 Пусть вспомнят все, чтобы я упокоиться мог.

(35)

Летом один народ приходит к другому,
 Посмотреть на нагую землю его.

Иврит и арабский, как два
 Камня гортанных, как нёба песок,
 Размягчились, подобно маслу, ради туристов.

Джихад и война Завета
 Лопаются, будто плоды инжира.

Сеть труб выпячивается в Иерусалиме,
 Как жилы и вены усталого старика.

Дома его, словно зубы в челюсти нижней:
 Без толку жуют,
 Потому что вверху пусты небеса.

Возможно, Иерусалим – мёртвый город,
 В котором все люди

שֶׁהָרֶם הַזֵּכֶרֶן יִזְכֹּר בְּמִקְוֵי,
 זֶה תִּפְקִידוֹ. שֶׁהֶגֶן לְזֵכֶר יִזְכֹּר,
 שֶׁהָרְחוֹב עַל שֵׁם יִזְכֹּר,
 שֶׁהַבֵּינָן הַיְדוּשׁ יִזְכֹּר,
 שֶׁבֵּית הַתְּפִלָּה עַל שֵׁם אֱלֹהִים יִזְכֹּר,
 שֶׁסֶּפֶר הַתּוֹרָה הַמִּתְגַּלְגֵּל יִזְכֹּר,
 שֶׁהַיִּזְכֹּר יִזְכֹּר. שֶׁהַדְּגָלִים יִזְכְּרוּ,
 הַתְּכָרִיכִים הַצְּבֻעוֹנִיִּים שֶׁל הַהִיסְטוֹרִיָּה, אֲשֶׁר
 הִגּוּפִים שֶׁעֵטְפוּ הִפְכוּ אֲבָק. שֶׁהָאֲבָק יִזְכֹּר.
 שֶׁהָאֲשָׁפָה תִזְכֹּר בְּשַׁעַר. שֶׁהַשְּׁלִיָּה תִזְכֹּר.
 שְׁחִית הַשָּׂה וְעוֹף הַשָּׁמַיִם יֹאכְלוּ וְיִזְכְּרוּ,
 שְׁכָלֵם יִזְכְּרוּ. כְּדִי שְׂאוּכַל לִנְח.

[לה]

בְּקִיץ בָּאִים עַמִּים, הָאֶחָד אֶל הַשֵּׁנִי
 לִרְאוֹת זֶה לָזֶה אֶת עֲרוֹת אֶרֶצוֹ.

עִבְרִית וְעִרַבִּית, שֶׁהֵן
 כְּאֲבָנִים גְּרוֹנִיּוֹת וְכַחֲזוֹל שֶׁל חֶךְ,
 הַתְּרַכְּכוּ כְּשֶׁמֶן בְּשִׁבִּיל תִּירִים.

גִּי'הָד וּמִלְחָמַת מִצְוָה
 מִתְּפֹאֲצוֹת כְּתָאֲנִים.

רֶשֶׁת צְנוּרוֹת יְרוּשָׁלַיִם בּוֹלְטֹת
 כְּעוֹרָקִים וְגִידִים שֶׁל זָקֵן עֵיף.

בְּתִיָּה כְּשֶׁנִּים בְּלֹסֶת תַּחְתּוֹנָה
 הַטּוֹחֲנוֹת לִשְׂוֹא,
 כִּי הַשָּׁמַיִם רִיקִים מֵעֲלִיָּה.

אוּלֵי יְרוּשָׁלַיִם עִיר מֵתָה

¹⁸ Намёк на Мусорные ворота в стене Старого города Иерусалима.

Ползают вроде червей и личинок.

שְׁבַה כָּל בְּנֵי הָאָדָם
רוֹחָשִׁים כְּתוֹלְעֵת וְכֶרְמָה.

Временами бывает праздник у них.

לְפַעֲמִים יֵשׁ לָהֶם חֲגִיגוֹת.

(36)

[לו]

Каждый вечер Господь вынимает из яркой витрины
Свой чудесный товар –
Мироздания тайны, скрижали Завета, прекрасные перлы,
Блестящие колокола и кресты,
Возвращает их внутрь тёмных шкатулок,
Опускает все шторы: «Опять
Ни единый пророк не пришёл покупать».

כָּל עָרַב מוֹצִיא אֱלֹהִים אֶת סְחוּרוֹתָיו
הַמְּבָרִיקוֹת מַחֲלוֹן הָרָאֹה
מַעֲשֵׂי מֶרְכָּבָה, לוֹחוֹת בְּרִית, פְּנִינִים יְפוֹת
צָלָבִים וּפַעֲמוֹנִים זוֹהָרִים.
וּמַחְזִיר אוֹתָם לְתוֹךְ אַרְגָּזִים אֲפִלִּים
בְּפָנִים וְסוֹגֵר אֶת הַתֵּרִס : "שׁוּב
לֹא בָא אִף גִּבְיָא אֶחָד לְקִנּוּת".

(37)

[לז]

Все эти камни, всю эту печаль и весь свет,
Осколки часов полуночных и пепел полудня,
Все искривлённые святости трубы,
Ржавые нимбы и стену, все башни её,
Все эти пророчества с недержанием старцев,
Потные ангелов крылья, вонючие
Свечи, искусственный этот туризм,
Избавленья навоз, жажду ахать и трахать,
Мусор небытия времени, бомб и любви,
Всю эту пыль и все кости в процессе
Воскресенья из мёртвых и возрождения духа,
Всю эту любовь,
Все эти камни, всю эту печаль...

כָּל הָאֲבָנִים הָאֵלֶּה, כָּל הָעֶצֶב הַזֶּה, כָּל
הָאוֹר, שְׁבָרֵי שָׁעוֹת לַיְלָה וְאַפֶּר צְהָרִים,
כָּל הַצִּנּוֹת הַמַּעֲקָמֶת שֶׁל קִדְשָׁהּ,
כָּתֵל וּמַגְדָּלִים וְהִלּוֹת חִלּוּדוֹת,
כָּל הַנְּבוּאוֹת שֶׁלֹּא יָכְלוּ לְהִתְאַפֵּק כְּזִקְנִים,
כָּל הַכְּנָפִים הַמִּזְעוֹת שֶׁל מְלָאָכִים,
כָּל הַנִּירוֹת הַמְּסַרִּיחִים, כָּל הַתִּירוֹת הַתּוֹתֵבֶת,
גָּלְלֵי גְּאֻלָּהּ, אֲשֶׁר וְאֲשֶׁר
אֲשַׁפֵּת הָאֵין פְּצָצָה וְזָמָן,
כָּל הָאֲבָקָה, כָּל הָעֶצְמוֹת הָאֵלֶּה
בְּתִהְלִיךְ הַתַּחֲיָה וּבְתִהְלִיךְ הָרוּחַ,
כָּל הָאֶהָבָה הַזֹּאת, כָּל
הָאֲבָנִים הָאֵלֶּה, כָּל הָעֶצֶב הַזֶּה.

Взять бы их все и наполнить ущелья
Вокруг. Пусть Иерусалим превратится в равнину,
Откуда сладостный мой самолёт
Унесёт меня вверх навсегда.

לְמַלֵּא בָהֶם אֶת הַגִּיאִיוֹת סָבִיב לָהּ,
כְּדִי שִׁירוּשָׁלַיִם תִּהְיֶה לְמִישׁוֹר
לְמַעַן מְטוֹסִי הַמֵּתוֹק
שִׁיבּוֹא לְקַחֵת אוֹתִי אֶל מַעְלָה.

(38)

[לח]

И, несмотря на всё это, я должен
 Любить Иерусалим и всегда помнить того,
 Кто пал за него на Мосту маслобойни,¹⁹
 Чья смерть стала водоразделом
 Между одной памятью и другою и между
 Надеждой одной и другой, и который
 Был этой землёй и её плодом,
 В котором сплелись воедино
 Ангелов крылья, их трубы и пальмовый лист,
 Того, кто и есть все спасенья, утешенья и смерти
 Во имя небес и земли,
 Кто встал и стоял, кто стоял и упал,
 И чьё тело – ворота ещё одни в этой стене,
 И чей голос – голос народа, как в день воскресения мёртвых,
 Кто в каждом мече - как меч, как ночь -
 В каждой ночи, кто слышен, как шум в тишине.
 И сейчас подымается он, движим лёгким дыханьем
 Тихо спящего малыша, растворяясь в небесном блаженстве,
 И весь Иерусалим – смысл смерти его.

וְאֵף עַל פִּי כֵן אֲנִי חַיֵּב
 לְאַהֵב אֶת יְרוּשָׁלַיִם וּלְזָכֹר אֶת זֶה
 אֲשֶׁר נָפַל עָלָיו בְּגִשְׁרָה גַּת שְׁמָנִים,
 אֲשֶׁר מוֹתוֹ הָיָה פְּרִשְׁת הַמַּיִם
 בֵּין זִכְרוֹן לְזִכְרוֹן, בֵּין תִּקְוָה לְתִקְוָה,
 אֲשֶׁר הָיָה הָאָרֶץ וּפְרֵי הָאָרֶץ,
 אֲשֶׁר לוֹלֵב וְהַצּוֹצְרוֹת וְכִנְפֵי מַלְאָכִים
 הָיוּ בּוֹ לְצִרּוֹר אֶחָד, אֲשֶׁר אֶת
 הַיְּשׁוּעוֹת וְהַנְּחֻמוֹת וְהַמִּיתוֹת
 לָשֵׁם שְׁמַיִם וּלְשֵׁם הָאָרֶץ,
 אֲשֶׁר קָם וְעָמַד, אֲשֶׁר עָמַד וְנָפַל
 וְגוֹפּוֹ שָׁעַר נוֹסֵף בְּחוֹמָה
 וְקוּלוֹ הַמּוֹן כְּהַמּוֹן בְּתַחֲיֵית הַמַּתִּים,
 אֲשֶׁר לַחֲרֵב לַחֲרֵב, אֲשֶׁר
 לַלֵּילָה לַלֵּילָה וְאֲשֶׁר לַרְעֵשׁ לַדִּמְמָה.

מִמֶּנּוּ עַל יְדֵי נְשִׁימַת יֶלֶד קָטָן וְיֶשֶׁן
 הוּא עוֹלָה עִכְשָׁו וּמִתְרַחֵב בְּשִׁמְחָה שֶׁל מַעֲלָה
 וְכָל יְרוּשָׁלַיִם פְּרוּשׁ לְמוֹתוֹ.

¹⁹ Имеются в виду бойцы израильской армии, погибшие ночью на мосту у стен Старого города против иерусалимских "Ворот милосердия" между Храмовой горой и Масличной при освобождении города в июне 1967г. (По пророчеству эти ворота, заложенные сейчас камнями, откроются только с приходом Мессии.)

В книге Моше Натана "Война за Иерусалим" (1968г.) глава, где описывается этот эпизод, заканчивается так:

"О Бог, преисполненный милосердия..." – написано в одном из стихотворений Амихая, любимых Яаковом Илемом и найденных в вещмешке после его смерти:

"О Бог, преисполненный милосердия... /в котором всё милосердие/
 Если бы не Бог, преисполненный милосердия, /в котором всё милосердие/ ...
 Было бы милосердие в мире, а не только в нём.
 ...Я, выносивший трупы с холмов,
 Могу рассказать, что в мире нет милосердия"....

....Стихотворение это широко известно не только благодаря своему содержанию, но и из-за эффектной игры слов в оригинале: "эль мале" – "бог, преисполненный" пишется так же, как и "ильмале" – "если бы не", только не слитно, а "гвийот" – "трупы" созвучно "гваот" – "холмы". Но, как часто бывает у Амихая, здесь есть и другой смысл: для христиан это место между Храмовой горой и Масличной горой (поток Кедрон и Гефсиманский сад) связано со смертью Иисуса.

В Иерусалиме, который
Вечно стоит
В святости, в славе своей,
Двое легли в кровать —
Создать
Нового,
Счастливого человека.

בִּירוּשָׁלַיִם שְׁתַּמִּיד
עוֹמֶדֶת
מִתּוֹךְ כְּבוֹד וּמִתּוֹךְ קִדְּשָׁה,
שְׁנַיִם שׁוֹכְבִּים יַחְדָּו
עַל הַמִּטָּה
לַעֲשׂוֹת
אָדָם חָדָשׁ וּמְאֻשֶּׁר.